

Обнажённая правда хлынула, точно прорвавшая плотину река, в один миг смывая весь напускной блеск и погребая под мутными водами остатки бывшего благополучия.

Произнеся это, Цзян Чжэн побелела как полотно и потеряла лицо. Пряди волос, выбившиеся из-за ушей, скользнули сквозь пальцы, и женщина сразу приобрела какой-то загнанный, растрёпанный вид.

Гэн Ань не знал, кто такая Сюй Танхуэй — столько лет утекло. Но видя раскаяние собеседницы и слыша её описания, он рассудил, что эта женщина была порядочным человеком. От этой мысли по сердцу резануло горечью.

— В этом нет только твоей вины. В конце концов, твой голос тогда ничего не значил. Даже если бы ты осмелилась сказать правду, Хань Цзян и Чжан Чжаохэ всё равно бы тебе не позволили. Ты была всего лишь студенткой, никогда не сталкивалась с подобным... Не иметь мужества в такой ситуации — вполне естественно.

Ли Жун прекрасно понимал, что в словах оперативника есть зерно истины.

Не у каждого найдётся смелость выступить за правду, даже если за неё расплачивается тот, кто когда-то протянул тебе руку помощи. В книгах благородство души воспевается как нечто само собой разумеющееся, но лишь потому, что в жизни такие поступки — редчайшее исключение, достойное легенд.

Однако Ли Жун своими глазами видел все те страдания, через которые тётя Хуэй проходила последние десять лет. С чисто человеческой точки зрения он не мог принять это «снисхождение».

Поэтому лицо его осталось неподвижным, а губы — плотно сжатыми.

Гэн Ань украдкой взглянул на спутника. Ли Жун казался настолько невозмутимым, словно заранее предвидел каждый поворот этой истории.

«Хотя, по логике вещей, это невозможно»

Сам Гэн Ань знал лишь то, что Хань Цзян точит зуб на Цэнь Сяо и изначально хотел пропихнуть Ду Минли на его место. Президенту Цэнь пришлось нанести ответный удар, выискивая компромат на главу «Призрачного глаза», чтобы при случае скинуть его с пьедестала.

Молодой человек с того самого момента, как попал в группу Цэнь Сяо, понимал: у него нет выбора. Чтобы продвинуться в Девятом районе, он должен выложиться на полную. Но, глядя на

Ли Жун, он чувствовал, что за всей этой ширмой скрываются тайны, о которых он даже не догадывается.

Впрочем, Гэн Ань был парнем смышлёным и лишних вопросов не задавал — целее будет.

Цзян Чжэн, получив кроху сочувствия, поджала бледные губы, убрала руки от лица и глубоко вздохнула.

— Что вам от меня нужно?

Она уже решила для себя, что Гэн Ань помогает ей лишь ради того, чтобы низвергнуть Хань Цзяна и занять его кресло. Поэтому лукавить не собиралась. Семейство Хань разрушило её жизнь: сын годами водил за нос и играл её чувствами, а отец растоптал её будущее.

Ради мести она была готова на любое сотрудничество.

Ли Жун по-прежнему хранил молчание, словно и не слышал вопроса.

Гэн Ань уже видел его таким — тогда, в штаб-квартире «Мэйцзян», когда юноша смотрел на Хэ Даюна. Секунду назад он мог непринужденно беседовать, а в следующую — превращался в воплощение ледяной суровости.

Для оперативника Ли Жун был не таким, как Цэнь Сяо. Этот юноша обладал странной властью над чужим настроением. Когда он улыбался, на душе становилось тепло и покойно, но стоило ему похолодеть — и всё пространство вокруг словно сковывало льдом. Повисала тягостная, тревожная тишина, в которой Ли Жун становился единственным центром притяжения и опорой, от которой зависело всё.

Гэн Ань был уверен: каждый, кто хоть раз работал с ним, испытывал нечто подобное. Это даже нельзя было назвать просто харизмой лидера. Ли Жун напоминал мощное магнитное поле — любой, кто приближался, неизбежно попадал под его невидимое, подспудное влияние, защититься от которого было невозможно.

И действительно, стоило юноше замолчать, как Цзян Чжэн начала заметно нервничать.

— Хотя прошло столько времени, я постоянно вижу те события во сне. Я помню каждую мельчайшую деталь.

Она заговорила быстрее, словно отчаянно пыталась доказать Ли Жуну свою ценность. Доказать, что она — действительно тот самый ключ, который поможет сокрушить Хань Цзяна.

Ли Жун наконец чуть склонил голову набок и негромко произнес:

— Тогда расскажи подробно. Что именно произошло в тот вечер?

Хотя он уже почти всё восстановил в уме, свидетельство Цзян Чжэн было необходимо.

Услышав вопрос, женщина даже выдохнула с облегчением.

— Хань Ин... Я не знаю, сколько у него было романов, но он умел очаровывать. Мастерски, до визга. Я была тихой девушкой, жизни не видела, а с ним мне открылись все краски этого мира. Я была ослеплена и без остатка угодила в его сети. В тот день Хань Ин предложил устроить свидание прямо в лаборатории. Не знаю, поймете ли вы... Но для человека, который привык к дисциплине и ограничениям, такой вызов правилам — как глоток запретного зелья. Стоит попробовать раз, и уже не соскочишь.

Гэн Ань почесал переносицу:

— Кажется, твои соседки по общежитию упоминали, что, начав встречаться с кем-то, ты сильно изменилась. Похоже, Хань Ин и правда имел на тебя колоссальное влияние.

Цзян Чжэн вымученно улынулась:

— Мы тогда корпели над дипломами. Мой проект требовал ежедневного наблюдения за питательными средами, так что провести кого-то в корпус поздно ночью не составляло труда. Сначала я думала, что Хань Ину просто интересно моё исследование, он хочет посмотреть, как я работаю... Я согласилась. Но оказалось, его интересовало совсем другое.

Даже спустя столько лет женщине было неловко подбирать слова. Но она понимала: Ли Жун и Гэн Ань — люди взрослые. Тихая, ночная лаборатория, она входит и надевает халат... Обычный белый халат, но для Хань Ина это стало искрой, разжегшей азарт от нарушения запретов.

Гэн Ань смущенно отвел взгляд и принялся сосредоточенно пить чай. Он не слишком понимал подобные развлечения. Лаборатория — место под прицелом камер, пусть тогда они и снимали мутно. Нормальному человеку в такой ситуации было бы стыдно, а не «адреналиново».

Ли Жун оставался спокойным, но его слова резанули слух:

— Он ни в грош тебя не ставил.

Раз не дорожил, значит, мог ради своей прихоти рисковать твоим именем и безопасностью. Раз не ценил, значит, мог вытащить тебя из твоего чистого, понятного мира и швырнуть в бездну ради минутной забавы. Раз не любил, значит, мог после случившегося просто сбежать, бросив тебя одну разгребать последствия и терпеть угрозы.

Ответственность не приходит с возрастом автоматически. Некоторые не учатся ей никогда.

Цзян Чжэн стиснула зубы, в её глазах вспыхнул запоздалый гнев. На самом деле её ненависть к Хань Ину была проста и понятна. Большая часть этой злости копилась оттого, что он, живя за границей в счастливом браке с иностранкой, всё ещё считал её, свою бывшую возлюбленную, доступной игрушкой.

Если бы он был в разводе и искренне хотел всё вернуть, она, возможно, по старой памяти снова бы в это вляпалась. Но Хань Ин предал её чувства, и только осознав это вместе с грузом былых унижений, она решила помочь.

Слова Ли Жуна сейчас точно скальпелем вскрыли этот старый нарыв, ударив в самое болезненное место.

«Не ценил»

Эти два слова перевернули всё. Раньше она искала оправдания: Хань Ин был молод, на три года младше неё, значит, ей и следовало быть сильнее. Она верила, что он любил её, но не смог пойти против воли деспотичного отца...

Но реальность оказалась куда горше. Она просто была в плену иллюзий. Что из того, что он делал для неё тогда, было на самом деле ради неё? Он просто развлекался. Если бы того случая не произошло, к моменту её выпуска Хань Ин наверняка нашёл бы себе другую «старшекурсницу» для новых ощущений.

Цзян Чжэн зачерпнула большую порцию пирожного и принялась ожесточённо жевать, словно пыталась проглотить вместе с едой подступившую к горлу тошноту и ярость. Десерт уже начал подтаивать, бисквит пропитался влагой и стал не таким вкусным.

Слизав крем с губ, она продолжила надтреснутым голосом:

— У нас всё... зашло далеко. В порыве Хань Ин случайно задел новый импортный прибор. На весь Университет А таких было всего пять штук, каждый стоил миллионы. Я похолодела от ужаса. Если бы заставили платить — я бы не расплатилась и за всю жизнь. А если бы всё вскрылось... Я не представляла, как смотреть людям в глаза. Хотелось просто исчезнуть. Юноша тоже сперва опешил. Он не ожидал, что такую дорогую вещь оставят просто на столе, даже не закрепив. Но Хань Ин всегда был заносчивым, никого не ставил в грош. Он сразу заявил, что его отец всё уладит, и проблем не будет. Теперь я понимаю, что это была бравада. Если бы история всплыла, репутация Хань Цзяна пострадала бы не меньше. Такие люди, как он, больше всего боятся пятен на своем имени.

В Университете А всегда действовало правило: испортил — плати. Студенты разбивали окна мячами, ломали трубы в коридорах, заливая этажи — во всех случаях ущерб возмещали родители. Но это были копейки. Стоимость научного оборудования — совсем другой масштаб,

особенно учитывая постыдные обстоятельства поломки.

— Хотя ситуация была скверной, — продолжала Цзян Чжэн, — шанс всё исправить ещё оставался. Хань Ин был богат, я после выпуска могла найти хорошую работу... Мы бы выплатили этот долг. Но вскоре эта возможность исчезла. Грохот от падения прибора был слишком громким. Его услышала дежурная лаборантка — Сюй Танхуэй.

Женщина опустила голову. Всё сложилось в одну роковую цепочку. В лабораторию нельзя было приводить посторонних, и Цзян Чжэн, прячась от охраны, провела Хань Ина внутрь. Спутник ради «атмосферы» выключил свет, поэтому и не заметил прибор на краю стола. А звук удара тяжелого металла об мраморный пол разбудил Сюй Танхуэй, которая дремала на посту.

— Я была в полном оцепенении. Стояла на месте и не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Тьма давала ложную надежду, что нас не заметят, но свет фонарей с улицы делал нас уязвимыми. Мы слышали её шаги в коридоре — в тишине они отдавались гулким эхом. Поскольку свет у нас был погашен, она не понимала, откуда донесся шум, и начала проверять каждую комнату, одну за другой. Было ясно, что рано или поздно она дойдет и до нас. Хань Ин шепнул: «Как только она зайдет в соседнюю дверь, бежим». У меня не оставалось иного выбора, кроме как послушаться.

Если бы Сюй Танхуэй не пришла, если бы она не увидела лицо парня — возможно, всё было бы иначе. Возможно, Хань Цзян просто втихомолку оплатил бы счета, замяв дело, а не стал бы ломать жизнь случайному человеку.

Цзян Чжэн безучастно смотрела на узор деревянного стола. Годичные кольца напоминали ей решетку темницы, из которой нет выхода.

— Мы услышали, как открылась соседняя дверь. Через десять секунд Хань Ин потянул меня за руку, и мы выскочили в коридор. Но мы не договорились, куда бежать. В панике мы бросились в разные стороны. Я рванула к внутренней лестнице, а он — к центральному выходу. У меня не было времени его остановить. Мне повезло — лестница была рядом, я пулей взлетела наверх. А Хань Ин... он столкнулся с Сюй Танхуэй нос к носу. Я слышала, как она крикнула: «Кто здесь?», но он не ответил, просто вырвался и убежал. Я затаилась и просидела на лестничном пролете всю ночь, не смея даже вздохнуть.

Ту ночь она провела в ледяном ознобе. Писала Хань Ину, но тот не отвечал. Никогда прежде она не чувствовала себя такой беспомощной. И никогда прежде так не раскаивалась.

Чайник на столе окончательно остыл, но никто не звал хозяина обновить кипяток. На дне чашки Ли Жуна осталось несколько чайнок. Он небрежным жестом выплеснул остатки чая в полоскательницу.

Цзян Чжэн запнулась, взглянула на него, и не заметив перемен в выражении его лица, продолжила:

— Позже вы и сами догадаетесь. Хань Ина опознали. Я думала, это конец: выговор, позор, вызов родителей, косые взгляды всего университета... В тот момент я даже радовалась, что скоро выпуск. Но на следующее утро всё изменилось.

— Вы свалили всё на Сюй Танхуэй, — вздохнул Гэн Ань.

Цзян Чжэн сглотнула. Даже сейчас, спустя столько лет, она чувствовала тот липкий стыд.

— Первым меня нашел Чжан Чжаохэ. Он сказал, что уже в курсе всего. Я была в ужасе, умоляла его не рассказывать родителям, готова была на колени перед ним рухнуть. Но он сказал, что дело касается Хань Ина, и последствия могут быть катастрофическими. Поэтому Хань Цзян возьмет всё на себя. От меня требовалось только одно — покорность. Он обещал, что если я буду молчать и кивать, то выйду сухой из воды, и даже платить ничего не придется. В тот момент я ни о чем другом думать не могла. Я была просто счастлива, что связи Хань Ина станут моим спасением.

Ли Жун, слушая это, непроизвольно нахмурился.

По словам Цзян Чжэн, Чжан Чжаохэ пришел к ней на следующее утро и заявил, что Хань Цзян всё уладит. Но кто такой этот преподаватель для человека масштаба Хань Цзяна? Рядовой лектор, пустое место.

Даже если Хань Ин, осознав всю тяжесть ситуации, наступил на горло собственной гордости и повинулся перед отцом, а тот, подавив ярость, мгновенно начал зачистку — удалял записи и обрабатывал Цзян Чжэн, — он не должен был действовать через Чжан Чжаохэ.

Такие дела любят тишину. Подобную информацию держат на самом верху, среди тех, кому есть что терять и кто не пойдет против председателя «Ланьшу». Зачем было впутывать заурядного учителя?

Чжан Чжаохэ не имел никакого авторитета среди студентов. Доверять ему всё и делать своим посредником в шантаже — ради чего? Хань Цзян не боялся, что у того в решающий момент проснется совесть?

Впрочем, Ли Жун оставил свои сомнения при себе и не стал перебивать.

— Я надеялась, что всё тихо утрясется, — продолжала женщина. — Пока не поползли слухи: дежурная лаборантка Сюй Танхуэй по неосторожности разбила ценный прибор. В университетской сети даже всплыли фото — того самого оборудования, которое опрокинул Хань Ин. Я не ожидала, что «решение» Хань Цзяна будет таким. Поскольку Сюй Танхуэй видела лицо его сына, он решил её уничтожить, выставив виноватой!

Голос Цзян Чжэн сорвался на всхлип. Жестокость Хань Цзяна стала её крестом на долгие годы.

Гэн Ань горько усмехнулся:

— В истории нашего Девятого района есть один случай. Основатель первого состава «Призрачного глаза», чтобы доказать беспристрастность службы, лично отправил в тюрьму собственного сына. При его власти было полно способов всё замять, но он выбрал закон ради репутации ведомства. С тех пор нам и начали доверять. Ирония судьбы: Хань Цзян — его преемник, а ведет себя как полная противоположность.

Ли Жун задумался. На самом деле... никто не знал правды о той старой истории. Поговаривали, что сын того начальника до последнего твердил о своей невинности, и поскольку так и не признал вину, не получил ни дня сокращения срока. Выйдя на свободу, он навсегда отрекся от отца. Была и другая версия: тот начальник давно был в разводе, новая жена ждала ребенка, и отношения со старшим сыном были хуже некуда. Так что показательная расправа могла быть просто способом избавиться от обузы и заработать очки влияния.

Но это дела давно минувших дней. А вот поведение Хань Цзяна действительно вызывало вопросы.

Даже если тётя Хуэй узнала Хань Ина и требовала справедливости, его отец мог решить вопрос деньгами. Сюй Танхуэй не была мстительной — если бы виновник признал вину и возместил ущерб, она бы не стала требовать их крови. Зачем Хань Цзяну понадобилось втоптывать её в грязь? Просто чтобы выместить злость?

Цзян Чжэн через силу улыбнулась Гэн Аню, пытаясь успокоиться.

— Хань Цзян — настоящий подонок. Тётя Хуэй когда-то выручила меня, и мне было безумно стыдно. Я пошла к Чжан Чжаохэ. Спрашивала, нельзя ли иначе? Нельзя ли не клеветать на неё? Но он ответил, что раз прибор разбился в её смену, она в любом случае несет ответственность, и в университете ей не место. Мол, если она возьмет вину на себя, всем будет лучше — так проще объяснить пропажу дорогой техники. Чжан Чжаохэ божился, что учебное заведение не станет сдирать с неё все деньги, зная о её бедности, просто нужно поскорее поставить точку. Сказал, что на её жизни это не отразится, она «маленький человек», о котором завтра никто не вспомнит. Как стажеры или временные работники, на которых всегда списывают косяки.

Откуда было знать тогдашней студентке? У неё не было выбора, кроме как верить. Но она не понимала: если лаборантка была «маленьким человеком», то и она сама была точно такой же. Тот, кто пожертвовал одной пешкой, без колебаний жертвует и второй.

— Казалось бы, на этом всё, — медленно произнесла Цзян Чжэн. — Университет даже выпустил официальное уведомление. Но вмешался случай. Сюй Танхуэй наотрез отказалась признавать вину. Она твердила, что видела студента, и если его найти — она будет оправдана. Но записи камер чудесным образом исчезли. Никто бы ей не поверил, если бы не...

— Если бы не что? — не выдержал Гэн Ань.

Женщина самокритично покачала головой:

— В этом мире никогда не бывает только одного мнения. Ли Цинли, который тогда преподавал химию полимеров в первой группе, наотрез отказался верить в её вину. Он твердил, что в деле слишком много дыр и нужно повторное расследование. Я не верю, что он не понимал, в чьи интересы лезет. Разве бывает так, что все камеры разом ломаются? Всем было ясно, что дело закрывают сверху, все молчали, а он пошел против течения. Ради какой-то «справедливости». Вы наверняка помните новости двухлетней давности... То, что случилось с Ли Цинли... Хань Цзян точно приложил к этому руку. Хань Цзян, который когда-то смог отыграться на Сюй Танхуэй, вполне мог отомстить и Ли Цинли, посмевавшему доставить ему неприятности много лет назад.

Гэн Ань слышал о трагедии Ли Цинли и Гу Нун — всё-таки это было связано с его специальностью. Тогда он полистал новости, вздохнул и через пару дней забыл. Он и понятия не имел, кем профессор Ли приходился юноше, сидящему перед ним.

Ли Жун медленно крутил в пальцах пустую чашку, никак не реагируя на слова женщины.

— Простите, отвлеклась, — Цзян Чжэн откашлялась. — В общем, я долго жила в страхе, но в итоге всё улеглось. Тётю Хуэй вышвырнули из университета. Я надеялась, что теперь мы с Хань Инном будем вместе. Но Чжан Чжаохэ заявил, что нам нельзя видеться — мол, это навредит нам обоим. Сказал, что Хань Ин улетает за границу, и я должна удалить всё, что нас связывало. Я не хотела, но к тому времени он уже не отвечал на звонки. Чжан Чжаохэ пригрозил: если я не выполню требования Хань Цзяна, он не даст мне защитить диплом. Прибор-то был разбит, и моя практическая часть пошла прахом. Я не могла рисковать будущим. И я уже привыкла подчиняться.

— И ты правда не оставила ни единой зацепки? — с надеждой спросил Гэн Ань.

Она покачала головой, всхлипнув:

— Они сказали, что если я послушаюсь, мне несдобровать. Обещали рассказать родителям всё, что творилось в лаборатории. И для тогдашней меня это было бы крахом — и крах карьеры, и несмываемый позор перед семьей. Мне оставалось только молчать.

Гэн Ань помрачнел. В те годы интернет ещё не был так развит, старые форумы давно закрылись, а облачных хранилищ не существовало. Если файлы удалили — их не вернуть. Прошло больше десяти лет, улики уничтожены, Цзян Чжэн — единственная ниточка, но...

— Всё, что когда-либо случалось, оставляет след, — негромко произнес Ли Жун.

В прошлой жизни Ду Минли не на пустом месте свалил Хань Цзяна. У него были неопровержимые доказательства. И эти доказательства всё ещё где-то есть.

Цзян Чжэн нервно сглотнула. Она отвела взгляд, явно борясь с собой, словно хотела что-то добавить, но слова застревали в горле.

Ли Жун поднял глаза и посмотрел на неё. Его взгляд был острым и холодным, как хирургический инструмент.

— Цзян Чжэн, Сюй Танхуэй больше десяти лет торгует варежками на площади перед Университетом А. Муж не выдержал её одержимости и развелся, родные клеймят её сумасшедшей. Она измучена, изранена, но она продолжает стоять там только ради того, чтобы вернуть себе честное имя! Спроси любого студента — каждый знает эту «упрямую дурочку», которая ждет призрачной правды.

Ли Жун подался вперед:

— А теперь посмотри на себя. Тебя запугивали, тебя втянули в подлую ложь, тобой играли и лишили всех прав. Все твои беды — результат трусости Хань Иня и расчётливой жестокости Хань Цзяна и Чжан Чжаохэ. Ты говоришь, Ли Цинли «не понимал», во что ввязывается... А теперь спроси себя: когда беда обрушилась на твою голову и ты осталась совсем одна, кого бы ты хотела видеть рядом? Таких, как Хань Цзян и Чжан Чжаохэ, или того, кто, подобно Ли Цинли, рискнет всем, чтобы возвысить голос в твою защиту?

Он с силой поставил чашку на стол. Фарфор ударился о массивное дерево с тяжелым, глухим стуком.

Этот звук, казалось, прошел сквозь столешницу и ударил женщину прямо в сердце. Она широко распахнула глаза, и из них крупными каплями брызнули слезы.

Ли Жун никогда прежде не говорил так жестко, и в этот миг даже Гэн Ань почувствовал, как по спине пробежал холодок.

<http://bllate.org/book/15351/1504926>